

13 FEB 1980

«Достиг я высшей власти...»

В Таганрогском ордена «Знак Почета» драматическом театре имени А. П. Чехова состоялось открытие «Театра в фойе».

Первым экспериментальным представлением стал «Борис Годунов» А. С. Пушкина в исполнении артиста театра Олега Окулевича.

Если точнее определить форму показанного представления, то я бы назвала его «поэтическим спектаклем» — беру это понятие в узком смысле — именно как вечер, построенный на поэтическом, стихотворном материале.

Поэтический спектакль в данном случае существует для артиста как повод для обнаруживания себя, подчеркиваю — не самовыражения, а обнаружения, где отсутствуют привычная настойчивая самодемонстрация и самолюбование.

Окулевичу далеко не безразлично, из какого источника он черпает материал для выражения авторского и личностного мироощущения.

Актер обращается к классике, к самой трудной классике, к одному из самых сложных и загадочных пушкинских произведений.

В своей версии трагедии Бориса Годунова Окулевич прежде всего пытается вскрыть психологические корни явлений, и потому так предельна эмоциональная наполненность актера, которая сливается с интеллектуальной остротой.

Пушкинской трагедии в исполнении артиста свойственна умная простота, где все продумано четко, определено и точно: и в оформлении, и в музыке, и в костюме, и в самой поэтической композиции.

В расчеты артиста входило намерение не воссоздать сценический образ Годунова, а погрузить зрителя в атмосферу «смутной эпохи», углубиться в необъятный внутренний мир самого Пушкина (образ поэта бесспорно присутствует при этом в нашем сознании) и, наконец, выразить свое отношение к глобальным общечеловеческим проблемам.

И основная задача Окулевича, на наш взгляд, удалась. Удалась и в ряде метафор — хотя бы в основных образах: карающего меча, алой ковровой дорожки — мягко стелющейся снизу вверх, словно льющейся кровавой лентой, символизирующей дорогу к власти, крестный путь Бориса — и в тонкой березке, пугающе беззащитной в своей хрупкости и доверчивости.

Это метафоры, которые не очень хочется расшифровывать — расшифровка упрощает и по существу отменяет метафору, окутанную тысячами неизменно и предельно волнующих ассоциаций.

В кульминационном монологе: «Достиг я высшей власти...» глубочайший внутренний смысл приобретают в исполнении Окулевича финальные слова монолога: «Да, жалок тот, в ком совесть нечиста».

Здесь актер поднимается до вершины философского осмысления трагедии. Он четко проводит тему трагической вины Бориса Годунова, а потому мы с полной ответственностью можем сказать, что трагедия состоялась.

Таким образом, к финалу актер последовательно приводит нас к осознанию простой и мудрой мысли: «Жестокость рождает только жестокость и ничего более, надо же наконец где-то остановить этот процесс...».

И в безмолвии народа, в знаменитой пушкинской ремарке «Народ безмолствует» проявился величайший гуманизм поэта: народ (второе главное действующее лицо трагедии — Окулевич почувствовал и передал подлинную народность пушкинской трагедии) — простой, доверчивый, убогий, обездоленный, мудрый, внутренне всегда готовый к бунту и прощению не прощает одного: несправедливую тупую жестокость, неправду.

Вот мысль, которую артист осознал со всей силой и логикой, которую он сделал сквозным действием спектакля.

В коротком поэтическом спектакле мы успели почувствовать и неотвратимый ход истории, и властный знамение рока, и веяние суровой и жестокой эпохи.

В. ГЛУШКО.